

УДК 908

А.В. КИСЕЛЕВ

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ XVIII в. В СТАНОВЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Значимость отечественного краеведения в сохранении и воспроизводстве социокультурных ценностей актуализирует проблемное поле методологической и историографической рефлексии изучения родного края. Отечественное краеведение располагает обстоятельной историографией, но процесс зарождения краеведческого знания России и его теоретико-познавательные основания не получили еще достаточного освещения, в том числе монографического.

В статье на основе геоисторического подхода анализируется роль академических экспедиций XVIII в. в становлении отечественного краеведения и значение онтологически-познавательной стратегии историко-краеведческих исследований этого периода. Необходимость комплексного исследования страны подвигнула реформаторский гений Петра Великого к созданию Санкт-Петербургской Академии наук, которая стала основным истоком новой русской науки. Становление отечественного краеведения происходило в формате главного исследовательского проекта академического сообщества – составление генеральной карты державы. Центральное место в естественно-исторических изысканиях заняла восточная окраина – Сибирь, для обследования которой направлялись Камчатские экспедиции.

Монадология Г.В. Лейбница и логико-математические принципы гносеологии Х. Вольфа стали теоретико-методологическим основанием для экспедиционных изысканий, которые реализовали на территории восточной окраины концепцию геоисторического познания отдельных областей, т.е. краеведческое исследование. Локальный геоисторический параметр приобрел академический статус и общегосударственный характер в ходе Второй Камчатской экспедиции и наиболее целостно проявился в историко-краеведческих исследованиях Г.Ф. Миллера и С.П. Крашенинникова.

Рожденная в «недрах» Санкт-Петербургского академического сообщества историко-краеведческая практика унаследовала классические научные и научно-организационные принципы высшего учреждения России.

Ключевые слова: краеведение, Академия наук, методология, логико-математическая модель, монадология, школа эрудитов, Сибирь, Вторая Камчатская экспедиция.

Действенным механизмом, обеспечивающим стабильность цивилизационного развития России в условиях глобального мира, выступает отечественное краеведение, исключительный опыт которого в сохранении и воспроизводстве социокультурных ценностей на локальном уровне актуализирует проблемное поле методологической и историографической рефлексии изучения родного края.

Отечественным краеведением вопрос о начале изучения местного края осознан в период «золотого десятилетия» (1917–1929 гг.), он связывался с первыми научными изысканиями Санкт-Петербургской Академии наук [1]. В советском краеведении историографическая тема представлена сжатыми очерками [2], и только активно развивающееся краеведческое движение в конце XX в. возобновляет осмысление своего опыта [3,4,5]. О традиции тесной взаимосвязи изучения родного края и академической науки говорил патриарх возрождающегося краеведческого движения академик С.О. Шмидт, который подчеркивал исключительную роль таких виднейших ученых середины XVIII в., как В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов, в обретении, закреплении и распространении краеведческих знаний [6]. Краеведческая историография в настоящий период представлена исследованиями методологической направленности, а также трудами, посвященными развитию исторического краеведения в конкретном регионе в XVIII–XX вв. [7,8,9].

Отечественная историческая наука, располагающая всесторонним анализом творческого наследия Российской академии наук и первых академиков, рассматривала краеведческий подход вскользь, не отрицая при этом научного значения местной исторической проблематики и необходимости ее серьезного изучения [10,11,12]. Историографическая ситуация локального познания стала изменяться с восстановлением доброго имени и признанием основополагающего вклада в научное открытие Сибири академика Г.Ф. Миллера [13,14], пристальный интерес которого к «яснейшему знанию мест» положил «начало русских участных историй» [15]. Именно академик Герард Фридрих Миллер впервые в отечественной исторической науке употребил термин «местная история» [16]. Он является автором первого опубликованного научного описания Москвы [17,289] и цикла статей по истории Коломны, Можайска, Рузы, Звенигорода, Дмитрова и т.д. [18].

Продуктивно краеведческие знания XVIII в. осмыслены с позиций хронологического подхода отечественной географической наукой, становление которой происходило в русле региональной концепции В.Н. Татищева [19]. Актуализирует первичные историко-краеведческие изыскания проблемное поле вспомогательной исторической дисциплины – историческая география, локализация которой исторического процесса восходит к историографии школы эрудитов XVII–XVIII вв., составлявших выверенные

работы по местной истории графств, княжеств, провинций, городов [20].

Итак, отечественное краеведение располагает обстоятельной историографией, но процесс зарождения краеведческого освоения пространства России и первые достижения краеведческой мысли, ее теоретико-познавательные основания еще не получили монографического рассмотрения. Историографический опыт свидетельствует о результативности геоисторического подхода, преодолевающего монополию классического историописания на «время», вытесняющее пространство. Современная гуманитаристика должна компенсировать «утерю» социального пространства возвращением в исследовательское поле пейзажа, ландшафта, территориальности [21].

В предложенной статье анализируется роль академических экспедиций XVIII в. в становлении отечественного краеведения, рассматривается статус онтологически-познавательной стратегии историко-краеведческих исследований этого периода на основе геоисторического подхода, эвристический потенциал которого может быть полноценно раскрыт только в формате цивилизационной парадигмы. «Цивилизация» носит не абстрактный, а конкретно-исторический характер, поскольку осмысливает социокультурный локальный объект в единстве пространственных и временных параметров, которые преодолевают границу «природа–культура».

Необходимость комплексного исследования страны с ее обширными и мало изученными территориями, при крайней ограниченности интеллектуальных сил, рационально изучающих Книгу Природы, подвигнуло реформаторский гений Петра Великого к «экстремальному» решению. Он не стал ждать нового отношения к научному знанию и просвещению, а начал «сверху», пригласив европейских ученых в создаваемую им организационную структуру «для произведения наук» – Академию художеств и наук в Санкт-Петербурге [22, с. 6]. Задуманное Петром I и получившее от него первый импульс, академическое сообщество оправдало надежды монарха уже в XVIII в., став «основным источником, – как отмечал академик С.И. Вавилов, – новой русской науки. Почти все, что было достигнуто в области науки в России в XVIII веке, непосредственно или косвенно исходило из Петербургской Академии» [23, с. 40–41]. Роль Академии в становлении и развитии науки была решающей. Но значение Академии наук, единственного непрерывно существующего государственного института России с 1724 г., как подчеркивает С.С. Илизаров, в полной мере до настоящего времени все еще не оценено [17, с. 45].

Становление отечественного краеведения происходило в формате главного исследовательского проекта Санкт-Петербургского академического сообщества – приобретение всестороннего знания о внутренних территориях России, благодаря пространственно-историческому описанию (природа и население) и составлению ландкарт местностей, уездов, губерний, концентрированным итогом которых являлось со-

ставление генеральной карты державы – «заветной мысли Петра I».

Центральное место в естественно-исторических изысканиях заняли «погруженные в глубокий мрак» восточные окраины – Сибирь, для обследования которой направлялись Камчатские экспедиции. Академик С.П. Крашенинников писал: «Его величеству угодно было, чтобы вся его империя точно была исследована, и потому его величество не оставил отправить и в самые отдаленные пределы своего владения знатной экспедиции, которая известна под именем Камчатской..., понеже не одна была Камчатская экспедиция» [24]. (В состав Первой Камчатской экспедиции 1725–1730 гг. ученые не входили, поскольку Петербургская Академия находилась в стадии формирования). Организованная совместно Сенатом и Академией Вторая Камчатская, или Великая Северная экспедиция, 1733–1743 гг. включала знаменитый «академический отряд» из профессоров, адъюнктов и студентов, решавших задачу всестороннего изучения внутренних областей Восточной Сибири, и особенно районов, примыкающих к Тихому океану. Воспринято было намерение», писал академик Г.Ф. Миллер, «собрать известия... о возможном описании Сибири, а особливо Камчатки, по точному их положению, по натуральному земли состоянию и по обитающим в них народам» [25, с. 18]. В определенном смысле российская наука – история, география, этнография, и естествознание в целом – родились в многолетних и многотысячеверстных экспедиционных маршрутах [17, с. 41–42].

Именно деятельность первых петербургских академиков положила начало широкомасштабному, комплексному изучению окраин, отдельных местностей. Их энциклопедичность исходила из господствующего в Германии учения Г.В. Лейбница о монадах как множественных деятельных субстанциях, обладающих неповторимой индивидуальностью и самостоятельностью. Концепция монады, требующая внимания к индивидуальности, определила познавательную стратегию изучения локальных культур, изучения местной истории [26, с. 204–205]. (Г.В. Лейбниц выступил сам как историк места герцогов Брауншвейгских). Утверждению и распространению научной программы Г.В. Лейбница среди немецкой интеллектуальной элиты (например, профессор И.Б. Менке – саксонский историограф, наставник Г.Ф. Миллера) способствовал его ученик – последовательный лейбницианец и «философский кумир» во всей Европе и России Христиан Вольф, логико-математические принципы которого выступили теоретико-методологическим основанием экспедиционных исследований. Классический рационалистический стиль монадологии, локализованный научными изысканиями в ходе Сибирской экспедиции, позволил реализовать на территории восточной окраины концепцию геоисторического познания отдельных областей, уездов, т.е. по сути краеведческое исследование.

В оформлении академического статуса научно-исследовательской практики поместного изучения исключительное значение имели три гносеологические

установки Вольфа: первая рассматривала опыт в качестве основного метода получения данных о природе («природой» именуется все сущее, включая человека: все, что можно подвергнуть опытному изучению и тем самым рационально объяснить). «То, что основано на опыте, – подчеркивал Х. Вольф, – можно исследовать» [27]. Опытное знание, соединенное с математической логикой (математика считалась воплощением высокого стандарта научности, истинности знания), понималось как тщательное наблюдение явлений в естественных или в искусственных условиях, фиксация этих условий, упорядочение качественно описанных фактов и очевидных количественных соотношений. «Ясность возникает из наблюдений различного в многообразном, а темнота, – указывал Христиан Вольф, – из недостатка этого наблюдения» [27]. Стремление к знанию первичного основания бытия определило универсальную познавательную стратегию – точное доказательное исследование конкретного в конкретных условиях места и времени. Гносеологически опыт «выходил» на локализацию познавательного процесса, т.е. опытное знание требовало (и требует) поместного изучения, которое достигалось экспедиционным путем; вторая фундаментальная установка – пространственно-временное понимание мира. «Вещи в мире связаны друг с другом во времени, поскольку они связаны друг с другом и в пространстве». В мире, отмечал Х. Вольф, все связано друг с другом в пространстве и времени [27]. Этот реальный познавательный конструкт (пространственно-временной – геоисторический подход), определив единство территориальных параметров и исторического времени в исследованиях академиков, создал фундаментальную научно-познавательную основу (методологию) собственно историко-краеведческой практики, которая реализовывалась единством исторической и географической науки; третья гносеологическая установка, познание частей целого. Мир есть целое, состоящее из частей, расположенных по порядку, поэтому изучать необходимо все по порядку. Истина, как подчеркивал Вольф, есть порядок, а греза – беспорядок. Но мы не способны все обозреть, мы не видим настоящее целиком, следовательно, необходимо рассмотреть часть в отдельности «само по себе» [27]. Познавательная логика Х. Вольфа требовала пространственно-временное исследование державы начинать с «предела», т.е. уезда как части целого – России. Таким образом, третий гносеологический конструкт реализовывал собственно историко-краеведческий потенциал геоисторического подхода, при котором опытное познание конкретной территории обретало действительный смысл и становилось объектом научных изысканий.

Краеведческое направление «академического отряда» наиболее ярко и целостно проявилось в исследовательской практике Г.Ф. Миллера и С.П. Крашенинникова, научные изыскания которых в познания «предела» – края положили начало краеведческому освоению пространства России. Капитальный труд Г.Ф. Миллера «История Сибири» и классический труд С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»

методологически объединяет локальный принцип пространственно-временного подхода к восточной окраине, реализованный методикой стационарного и экспедиционного способа поместного изучения. В исследовательской практике концептуальное единство достигалось программой-инструкцией, разработанной «профессорской свитой», главным образом Г.Ф. Миллером. Программа-инструкция «академического отряда» выполняла методологическую функцию историко-краеведческого познания, поскольку, во-первых, заключенное в ней единство территориальных и исторических параметров выступало в качестве теории геоисторического подхода к восточной окраине как объекту исследования; во-вторых, локальный принцип, реализуемый методическим инструментарием, создавал предметное поле изучения – местный природно-исторический ландшафт, содержание которого определялось «вопросными пунктами» инструкции; в-третьих, пространственно-временная концепция, геоисторический подход, локальный принцип, и методика стационарного изучения составляют структурные компоненты средства познания, т.е. метода. Но если Герард Фридрих Миллер геоисторически охватывает весь обширный Сибирский край, потратив десять лет, и используя при этом по существу весь потенциал «академического отряда», то Степан Петрович около четырех лет, по анкетам академиков, один изучал территориальные и временные параметры только одной Камчатки. Научные изыскания С.П. Крашенинникова логически продолжали и хронологически завершали историко-краеведческую практику руководимого Г.Ф. Миллером «академического отряда».

Таким образом, структурно-организационное своеобразие нового атрибута российской государственности – Санкт-Петербургской академии, ее нацеленности на первоочередные государственные задачи, решаемые логико-математическим методом вольфианской метафизики, определило локальное геоисторическое направление познавательной деятельности академического сообщества. Их многолетние экспедиционные обследования и монографические труды обеспечили становление российского исторического краеведения, предопределив в значительной степени будущее развитие отечественного изучения края. Рожденная в «недрах» Санкт-Петербургского академического сообщества историко-краеведческая практика унаследовала классические научные и научно-организационные принципы высшего учреждения России. В методологическом отношении комплексный подход исторического краеведения продолжает традицию универсального направления исследований петербургских академиков, которые воспринимали мир как единое целое, состоящее из различных частей. Последняя выступила в качестве основополагающего принципа краеведческого познания – взаимосвязь истории страны (целое) и края (часть). Академический приоритет первоисточника, акцент на фактический и документальный материал приобрел статус методической доминанты в историко-краеведческих изыска-

ниях. Полифункциональность Санкт-Петербургской академии (решающей научно-исследовательскую и прикладную задачу и выполняющей одновременно образовательную и воспитательную функции, как система профессиональной подготовки ученых), локализованная экспедиционной практикой первых петербургских академиков, стала существенной, неотъемлемой чертой историко-краеведческой деятельности, которая сочетает обучающие, воспитывающие и развивающие функции. Мощь дидактического потенциала академической экспедиции состояла в организации «образовательного процесса» в условиях живой, конкретной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. 1928. № 3. С. 129–140.
2. Милонов Н.П. Советское историческое краеведение к 50-летию Октября и перспективы его развития // Уч. зап. М., 1967. Т. 198: Методика преподавания истории, вып. 3. С. 3–26.
3. Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. 85 с.
4. Кацюба Д.В. Историческое краеведение в школе и в вузе. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1994. 336 с.
5. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. М.: Археогр. комиссия РАН, 1998. 240 с.
6. Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 153–166.
7. Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения / под ред. Г.И. Зверевой. М.: МГИУ, 2000. 196 с.
8. Штергер М.В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX в. (по материалам Тобольска и Омска): автореф. дис. канд. ист. наук: Омск, 2003. 24 с.
9. Пашиков А.М. Историческое краеведение Карелии конца XVIII – начала XX в. как социокультурное и историографическое явление: дис. д-ра ист. наук: М., 2011. 678 с.
10. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2. 361 с.
11. Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1987. 222 с.
12. Пеитич С.Л. Русская историография XVIII в. Л.: Ленингр. ун-т, 1965. Ч. 2. 343 с.
13. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 240 с.
14. Элерт А.Х. Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие: Материалы Междунар. симп. – Екатеринбург: «Волот», 2006. Ч. 1. С. 15–28.
15. Письмо № 251. И.Д. Шумахеру 30 марта 1749 г. // Татищев В.Н. Научное наследство. Записки, письма. 1717–1750 гг. / отв. ред., авт. вступ. ст. и примеч. А.И. Юхт. М.: Наука, 1990. Т. 14. С. 343.
16. Миллер Г.Ф. О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов // Истории Сибири. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. С. 503–505.
17. Илизаров С.С. Москва в науке и культуре России XVIII века: дис. д-ра ист. наук: М., 2004. 521 с.
18. Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М. 1996. С. 375–415.
19. Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII в. М.: Наука, 1989. 232 с.
20. Яцунский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М.: АН СССР, 1955. 333 с.
21. Историческая география: пространство человека: человек в пространстве: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. М., 27–29 января 2011 г. / отв. ред. М.Ф. Румянцева; Рос гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, М.: РГГУ, 2011. 498 с.
22. Алферов Ж.И., Колчинский Э.И., Троп Э.А. Предисловие // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.: исторические очерки / отв. ред. академик Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. 605 с.
23. Вавилов С.И. Академия наук СССР и развитие отечественной науки: Доклад на Общем собрании Академии наук 7 ноября 1949 г. // Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 38–53.
24. Неопубликованное «Предисловие» к «Описанию земли Камчатской» // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатской. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпуть, 1949. С. 87–89.
25. Предисловие академика Миллера Г.Ф. к первому изданию 1755 г. // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки в изложении по подлиннику и под редакцией Н.В. Думитрашко, Л.Г. Каманина. М.: Изд-во ОГИЗ, 1948. 292 с.
26. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / отв. ред. Л.П. Репина; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2007. 499 с.
27. Вольф Христиан. Метафизика // Христиан Вольф и философия в России / ред.-сост.: В.А. Жучков. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. С. 231, 261, 281, 256.

Статья поступила
в редакцию 04.04.2014